

Остав Ринский

Эларисон

18+

Остав Ринский
Эллариион

«Автор»

2026

Ринский О.

Элларилион / О. Ринский — «Автор», 2026

Добрая сказка для взрослых. История о внезапном катаклизме на Земле, после которого повсюду начали рождаться странные дети. Один добрый профессор находит и спасает одного из них. Ему приходится прятать мальчика: такие дети считаются крайне опасными, по решению властей должны содержаться в клетках лабораторий из-за угрозы человечеству. Но мальчик оказался не столько опасным, сколько наивным, глупым и чересчур доверчивым. Его личность раскрывается — и он, спасаясь бегством, попадает в совершенно другой мир. Там он находит того, кто называет себя другом. Но в этом «друге» слишком много холода и жестокости, а его мания величия граничит с безумием. Он не ищет тепла — он одержим одной целью: стереть главного злодея с лица этого мира, не видя смысла ни в чем другом. Постепенно выясняется, что врагов куда больше в этом мире, чем представлялось поначалу, да и сам мир устроен не так, как казалось.

© Ринский О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Остав Ринский Эллариион

Пролог

Всё началось двадцать лет назад, в далёком 2154 году. Тогда ещё совсем юный мальчик, только научившийся разбирать буквы, случайно увидел объявление.

— «Ищем отважных капитанов с собственным кораблём для доставки ценных товаров в элитный магазин «Спящий карман». Достойная плата и доля от прибыли ждут тех, кто не боится ветра и волн! За подробностями обращаться к человеку в местном порту по имени Хитродумкинс.»

С детской непосредственностью Маэль сорвал листок и поспешил к матери. Он знал: это может помочь её брату — капитану, который уже долгое время не мог найти работу.

Величественный океан, между прочим, не раз доказывал свою беспощадность: за минувшие годы его штормы поглотили не один отважный корабль. Предстоящее плавание сулило немало опасностей, но обещанная награда разжигала азарт: пять тысяч босхатов получит капитан, и ровно по тысяче достанется каждому из его бесстрашных моряков. Такое щедрое вознаграждение было обосновано тем, что «Спящий карман» посещал сам Успевальд Первый.

О последнем я упомяну позже, ведь прежде всего читатель должен узнать о том, кто решился выполнить эту непростую работу, — о том самом безработном капитане.

Итак, корабль под названием «Солнечный путь-4» пустился в плавание и молодой человек невысокого роста, в безупречной белой форме, опустил на складной стул возле штурвала. Достав газету — покупку из магазинчика «Полезная русалка» в порту, — он неторопливо развернул её и громко зачитал первую попавшуюся заметку:

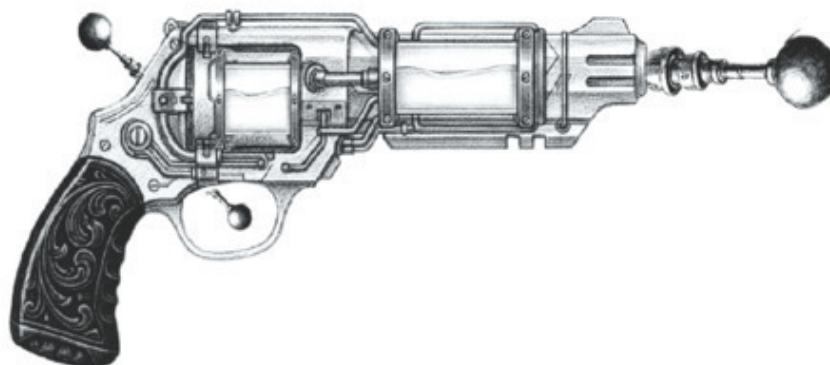
— «Снежный король протаптывает дорогу величайшим ученым! Сегодня было открыто еще двенадцать лабораторий!» — Мельфинн долго всматривался в снимок. В центре кадра была крупная фигура в большой короне, окружённая учёными. Их улыбки выглядели фальшиво, словно натянутые маски. Брови капитана удивлённо поползли вверх, и он с усмешкой произнёс:

— С каждым годом все толще и толще. Надо полагать, в следующем году количество ученых в кадре сократится еще наполовину, а то и вовсе для них не останется места. — На первой странице красовался крайне полный бледный мужчина с очень аккуратным каре. Черные как смоль волосы подчеркивали нездоровую бледность его мраморной, почти прозрачной кожи, сквозь которую виднелись голубые вены. Серо-голубые глаза же были словно две бездушные пустые и стеклянные льдины.

— Выглядит до смешного нелепо! Успевальд будто не раздает награды, а тщательно выбирает, кто станет следующим блюдом на его обеденном столе!

Успевальд Первый получил своё прозвище «Снежный король» ещё очень давно — за идеально белоснежным цветом лица, чрезмерную жестокость и слишком частое использование деструктатора.

Что же касается последнего, то сложно поверить в то, что такая крохотная вещица могла являться страшным орудием убийства. Сей предмет представлял собой небольшой прибор, состоящий полностью из металла, напоминающий обыкновенный пистолет. В отличие от пистолета, чьё ранение могло оставить шанс, это орудие не просто поражало — оно безжалостно изничтожало жертву, не оставляя ничего, кроме крошечной горсти белоснежной трухи.

Никто не ведал, откуда явился этот жестокий прибор. Но одно знали наверняка: его устрашающая сила была под стать самому Снежному королю — человеку, чьё настроение слишком часто сменялось слепой яростью.

За время правления его было открыто множество исследовательских и экспериментальных лабораторий.

Цели учёных нередко граничили с безумием: от расшифровки языка дождевых капель до попытки создать колонию генетически модифицированных бактерий, способных восстанавливать тело хозяина в случае болезни или старения.

Невозмутимый капитан, погружённый в чтение газеты, сидел на палубе, а рядом с ним, словно заводная игрушка, метался юнга — его племянник Маэль. То мальчик с грохотом натыкался на ящик с припасами, то, потеряв равновесие, скользил по накренившейся палубе. Капитан наблюдал за этой суетой с едва заметной усмешкой. Когда Маэль в очередной раз едва не кувыркнулся, капитан неспешно вытянул руку — и в тот же миг крепко ухватил племянника за шкуру.

Когда Мельфинн готовился строго отчитать мальчонку, неожиданно раздался протяжный, тревожный вой — словно мрачное предзнаменование грядущей беды. Вслед за ним последовал глухой треск, который мгновенно поглотил все прочие звуки. Затем корабль сильно накренился, и члены экипажа, стоявшие на палубе, опасливо переглянулись.

— Убрать паруса! — громогласно закричал капитан, стремительно схватившись за штурвал, — А ты брысь в трюм, сорванец! Я не осьминог, чтобы и штурвал держать, и за тобой следить. — Обратился он к мальчишке, и тот, сжавшись до размеров мыши, на четвереньках тут же пополз в трюм.

К Мельфинну быстро приблизился его друг Филипп. Его высокая фигура с ярко-рыжими волосами резко выделялась среди остальных.

— Сколько лет этому кораблю? По-моему, обычное ведро выглядит надежнее, чем твое судно!

— Всего-то пять лет, если считать с тех пор, как я его выменял. У одного пьянчуги, кстати, всего за пару сотен босхатов.

— У пьянчуги? Откуда у него корабль?

— Он сам когда-то был капитаном: возил винные бочки в таверну на юго-западе. Но после скоропостижной кончины хозяина таверны вино осталось без сбыта, а капитан — без работы. Вот он и... не нашёл лучшего утешения, чем собственный груз.

— А что ты везешь? Тоже вино?

— В основном дорогие наряды по самому последнему писку моды. Так что если с хозяином «Спящего кармана» случится непоправимое, то я стану самым главным пижоном нашего городка.

— Я уже представляю, как ты идешь по нашей серой невзрачной улице в помпезной одежде...

— Мне нравится... А что будет дальше? — Мельфинн перебил собеседника на полуслове и расплылся в мечтательной улыбке, — Прилипнет ли ко мне шумная толпа восторженных девиц — или, напротив, люди почтительно расступятся, бросая взгляды украдкой и гадая, кто же этот загадочный и, должно быть, важный незнакомец?

— ... а дальше ты подходишь к тому самому пьянчуге, у которого купил корабль и садишься рядом.

Филипп усмехнулся, заметив, как собеседник переменился в лице, и мельком взглянул на моряков, без толку толпившихся у парусов:

— Мельфинн, кто эти люди?

— Это моя команда.

— Я точно видел этих ребят возле приюта у пристани... Пстой, это же дети! Ты всерьёз взял воспитанников из приюта своей сестры в команду? Ты в своём уме?

— Брось, не будь занудой! К тому же они не многим младше нас самих. — Мельфинн беспомощно развел руками и вскинул брови.

— Только в отличие от них, мы умеем обращаться с парусами.

— Так это прекрасно, умеем мы — научатся и они. Я же могу на тебя положиться, дружище?

— Уму непостижимо... — буркнул Филипп в ответ. — Ты набрал детский садик, а нянчиться придётся мне, дружище!

Неподалёку собралась толпа матросов — из неё доносились возбуждённые крики и обрывки грубых фраз. Капитан передал управление штурвалом Филиппу и стремительно устремился к источнику шума.

Он шагнул ближе, и его вопросительный взгляд заставил команду мгновенно расступиться. В самом эпицентре скандала матрос постарше, лицо которого побагровело от гнева, железной хваткой вцепился в воротник Маэля.

Перепуганный мальчишка, едва сдерживая дрожь, бережно прижимал к груди кого-то, спрятанного за пазухой.

— А ну-ка верни на место то, что взял! — снова раздался надрывный крик.

— Маэль, что ты натворил? — нахмурившись, обратился к племяннику Мельфинн.

— Он выкрал моего эхотля! — возмущенно воскликнул Оскальд, с силой отшвырнув мальчика на пол. В этот момент белоснежный крохотный зверек с мохнатыми рожками на голове длинным телом змеи осторожно выбрался наружу и принялся с любопытством осматривать всех присутствующих.

— Ты об этом милом создании на плече у моего племянника?

— Не стоит умиляться, Финн, а тем более — привязываться к этой твари. Этот зверек — результат моей долгой охоты в Хрустальном лесу, и я намереваюсь получить за него целое состояние! — внезапно голос Оскальда сорвался на шёпот, полный страха. — Из крови этих созданий Успевальд Первый готовит свою эмульсию вечной молодости. — Разъяренный молодой человек резко дернулся, пытаясь схватить эхотля, но зверек мгновенно скрылся в склад-

ках одежды мальчика. Оскальд кубарем полетел вниз и команда тут же разразилась смехом, переглядываясь друг с другом.

— Закончим этот цирк! — Зачинщик выпрямился, стараясь вернуть себе авторитет. — Он принадлежит мне! Так верни его!

Мальчик взглянул на капитана с мольбой во взгляде, но тот лишь серьёзно покачал головой:

— Верни ему зверя.

— Но Финн!

— Я обещал Даллии, что буду приглядывать за тобой. Верни, что украл, и возвращайся в свою каюту.

— Но...

— Делай как я сказал!

С нескрываемой грустью Маэль погладил зверька, а затем нехотя протянул его хозяину. На лице того заиграла довольная улыбка, и он с готовностью протянул руки. Но радость оказалась недолгой: зверёк внезапно впился зубами в указательный палец хозяина и, проворно метнувшись в сторону, тут же исчез из виду.

— Мерзкая тварь меня укусила! — с ненавистью выкрикнул Оскальд, указывая на распухший палец. — Это всё из-за тебя, Мельфинн, и из-за твоего никчёмного вороватого племянника!

Капитан замер. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а лицо исказила гримаса ярости.

— Забери свои слова назад, и попроси прощения за сказанное, — процедил он сквозь зубы, неторопливо закатывая рукава рубашки.

— Он — жалкий вор, — с вызовом бросил агрессор. — А ты — упрямый ни на что неспособный несдержанный болван!

— Я научу тебя вежливости!

— Финн, остановись... — попытался вмешаться Филипп, но его голос растворился в нарастающем гуле толпы.

Толпа матросов окружила двух молодых людей, возбуждённо скандируя их имена. Воздух наполнился напряжением и завязалась драка. Противники сцепились, катались по палубе, нанося друг другу удары.

Вдруг послышался писк. Тот самый выполз прямо перед дерущимися. Оскальд невольно отпрянул, отвлёкшись на мгновение, — и капитан, уловив момент, провёл серию точных ударов. Победа была безоговорочной.

— Довольно, — хрипло выдохнул проигравший, поднимаясь с земли. Его лицо было в ссадинах, но взгляд оставался упрямым. — Ты победил в драке, но не в споре. Я от своих слов не отказываюсь. — Он резко развернулся и побежал туда, где только что мелькнул длинный хвост.

Тем временем таинственное завывание становилось все отчетливее. Тучи затянули небо, словно огромный черный кокон. Когда последний луч солнца скрылся за мрачной завесой — воцарилась кромешная тьма.

Мельфинн вновь взялся за штурвал, жестом отправив Филиппа сворачивать паруса. Но стихия опередила их — сильный порыв ветра уже хлестал по мачтам, и паруса, трепеща, начали рваться на части.

С нарастающим темпом судно принялось наклоняться то в одну сторону, то в другую словно гигантская неваляшка, раскачивая вместе с собой маленьких человечков.

Шторм набирал силу, и среди юных матросов поселилась паника. Ветер выл, словно разъярённый зверь, а волны, вздымаясь до небес, с грохотом обрушиваясь на палубу. Люди металась в полутьме, хватались за снасти, что-то кричали друг другу — но их голоса тонули в рёве

стихии. По палубе с огромной скоростью прокатились ящики, сбивая и разрушая все на своем пути, а затем скрылись в океане.

Через несколько минут буйство стихии пошло на убыль и могучие волны, ещё недавно швырявшие судно, как игрушку, укротили свою ярость. Зловещий шторм прекратился, и накренившийся корабль замер с глухим скрежетом — его днище намертво зацепилось за подводную преграду.

— Фи-и-инн!!! — закричал Филипп, когда обнаружил, что у штурвала никого нет. Он лихорадочно осматривал каждый угол на палубе в поисках друга, но капитана нигде не было.

Вдруг взгляд его застыл. Филипп простоял в оцепенении несколько минут, пытаясь осознать увиденное — поверить своим глазам по-прежнему не получалось: там, где только что бушевал океан, теперь зияло обнаженное дно с множеством гигантских разломов на нем. Из недр земли валил густой дым, заполняя все вокруг серебристым туманом.

Вдруг тишину прервал знакомый голос. Рыжеволосый тут же бросился в сторону звука и обнаружил Мельфинна, зажатого ящиками. Несколько усилий и тот был уже на свободе.

— Ну и видок у тебя, Фил, — прохрипел с ухмылкой капитан, — будто ящиками придавило тебя, а не меня. Что смотришь, будто призрака увидел? Не надейся, так просто ты от меня не избавишься. — вновь усмехнулся Мельфин. — Хотя, признаю, в какой-то момент я и сам подумал, что отправлюсь на корм рыбам.

Неподалеку члены экипажа ворчливо выжимали свою одежду. Гул недовольства стремительно разрастался. Тут капитан принялся осматриваться, пытаясь разглядеть что-либо в серой туманной мгле.

— Так что стряслось? Нас выбросило на берег? Где это мы?

— Тебе стоит увидеть это самому, — произнес Филипп, кивнув головой в сторону.

Мельфинн подбежал к борту и перегнулся через перила. Вместо привычного плеска волн снизу доносилось прерывистое шипение, будто гигантское существо пыталось сделать вдох.

— Что это за место? — прошептал капитан и отпрянул от края.

— Мы все там же — посреди океана. — ответил рыжеволосый.

— Ничего не понимаю... Куда подевалась вся вода?

— Под нами разверзлась бездна — словно сама земля, изнемогая, извергает последний дух. Вокруг клубы едкого дыма, гул раскаляющейся тверди: мы либо уже в аду, либо последние мгновения земной жизни истекают прямо сейчас.

Мельфинн достал бинокль и принялся изучать местность.

— Да... Похоже, дело дрянь.

— Ты это слышал, Финн?

— Странные звуки... Будто женский голос сплетает воедино песню и плач — мелодия то тянется тонкой нитью, то рвётся прерывистыми всхлипами. Похоже, что они доносятся из тех расщелин в земле.

По приказу капитана моряки разошлись по каютам и не покидали их. В полумраке тесных кают кто-то увлечённо сражался в настольные игры, кто-то погрузился в чтение потрёпанного томика приключенческого романа, а кто-то шумно обменивался шутками, пытаясь разбавить мрачную обстановку.

Внезапно тишину разорвали резкие, нарастающие звуки — гул винтов и отрывистые выхлопы. Моряки, забыв про игры и книги, в мгновение ока высыпали на палубу — их взгляды устремились вверх, к небу, где что-то происходило.

Прямо рядом с кораблём, словно огромная металлическая птица, в воздухе застыл паролёт — тот самый, что предназначался для элитного магазина. За штурвалом сидел Оскальд. Сквозь стекло кабины отчётливо виднелась ироничная улыбка на его лице.

— Что ты делаешь? — выкрикнул капитан.

— Разве ты не видишь? Я спасаюсь, — прокричал Оскальд в ответ, и помахал рукой, — зверюгу можете оставить себе!

Под взволнованные охи и громки крики паролёт начал подниматься: выше, выше, и выше — пока не растворился в туманной мгле неба.

На мгновение моряки даже поверили: вот он — тот единственный, кому суждено спастись из этого кошмара. Но что-то пошло не так. Оскальд не смог удержать машину и управление было потеряно. Устройство содрогнулось всем корпусом, затряслось в агонии, будто живое существо, и стремительно рухнуло вниз. Моряки инстинктивно зажмурились, затаив дыхание, и через секунду у основания корабля раздался оглушительный глухой хлопок.

Один только Маэль так и не понял что же такого произошло и почему все обнажили и склонили головы.

— Финн! Куда он пропал?

Капитан с грустью потрепал мальчика по голове — и вдруг заметил: зверёк был тут как тут! Он сидел на плече у ребёнка и, будто ни в чём не бывало, игриво покачивал длинным хвостом.

— Все хорошо, Маэль. Все хорошо.

— Ты не говорил, что на борту есть паролёты... — начал Филипп с неподдельным восторгом, его голос дрожал от предвкушения. — А я не говорил, что я отличный пилот!

Капитан медленно покачал головой. В его голосе звучала тихая грусть:

— Паролёт был всего один. Ещё на борту два паромобилия, но от них сейчас абсолютно никакого толку.

Мельфинн приблизился к громадным грузовым отсекам, вмонтированным в борт судна, и с лёгким скрежетом открыл тяжёлые створки. За ними в полумраке виднелись очертания пары паромобилей «Бэлов» и «Дворецкий» с лакированными кузовами.

Паромобили, как и паролёты были уникальным инженерным чудом: система трубок, котлов и поршней внутри генерировала энергию прямо из воздуха, превращая его в пар, — фактически, вечный двигатель на колесах и лопастях.

Филипп начал расхаживать по палубе, задумчиво постукивая пальцами по подбородку. Взгляд его скользил по металлическим трубкам, словно он искал подсказку в их линиях. Внезапно он замер и резко схватил капитана за плечи:

— Как паромобили вообще оказались на борту? — в его голосе звучала искра озарения.

— С помощью лебёдок, разумеется, — устало ответил капитан.

— Значит, мы можем их использовать! — уверенно произнёс Филипп. — Вместимость каждого — шесть человек, следовательно, мы все можем покинуть это гиблое место и продолжить свое путешествие, передвигаясь по высушенному дну океана. Ну, разве что если у вас, капитан Мельфинн, нет желания попариться как следует в здешних разломах, в чем я очень сомневаюсь.

Решение было принято. Весь следующий день прошел в сборах. Все оставшиеся двенадцать членов экипажа без устали перетаскивали к грузовым отсекам паромобилей необходимые вещи, мешки с водой и провизией.

К вечеру «Бэлов» и «Дворецкий» были полностью готовы к спуску. Поначалу матросам было страшно, так как из-за густого тумана было не разобрать что творится снизу, это напоминало спуск в преисподнюю, но к счастью все прошло быстро и под скрип лебедок машины опустились на высушенное дно океана. Филипп и Мельфинн были последними, кто покинул «Солнечный путь-4».

И вот, попрощавшись со своим кораблем, команда уселась по паромобилиям. Взревели котлы и из систем трубок повалил пар, «Бэлов» и «Дворецкий» тронулись с места. Путь лежал через бескрайние равнины, сменяющиеся глубокими впадинами. Вокруг не было ни единого признака жизни. Дальше возвышалось что-то, что точно не было природным ландшафтом.

Приглядевшись, Мельфинн увидел, что это были самые разнообразные строения: одни — каменные и допотопные, другие — изящные и металлические, словно перенесенные сюда из какого-то другого иного, далекого времени. Следом его взору открылась странная гигантская конструкция: ажурная, устремленная ввысь, с переплетающимися арками и решетчатыми

ярусами. Она была полностью покрыта ржавчиной, но все так же гордо держала свою форму, словно время не властно над ней.

Дальше на пути были ветхие истлевшие останки каких-то судов, которые как и «Солнечный путь-4», были разбросаны по всему дну, они выглядели чужими среди этой умершей странной цивилизации.

Капитан Мельфинн вдруг задумался. Что, если Снежный Король, его стремление к бессмертию и вечной молодости, и весь этот странный мир — лишь часть чего-то более древнего и зловещего, чем они могли представить? Мельфинн посмотрел на мирно сопящего эхотля на руках Маэля, затем на мертвый город вокруг, и ему стало по-настоящему страшно. Они были не просто на дне океана, они были на дне забытого мира, который только что проснулся.

Глава 1

А теперь перенесемся на несколько лет вперед от Великого катаклизма, в 2159 год, чтобы поведать о немаловажных событиях, произошедших в небольшом городке под названием Шео-Нори, который именовали по-другому — городом номер девять.

Перед вами светловолосый с густыми темными бровями человек средних лет, одетый в темно-серое пальто. Познакомьтесь, это Джеймс Ноктик. С первого взгляда сложно определить какой у него характер, с виду он кажется довольно сдержанным, неприветливым, но спешу вас заверить, что это далеко не так.

Джеймс, между прочим, не самый главный персонаж в этой истории, однако все же занимает весьма немалую важную часть в этой книге.

Итак, Джеймс Ноктик — врач и профессор средних лет. Его собственный ребенок умер много лет назад от неизлечимой болезни, после чего в семье Ноктиков произошел разлад, а его весьма легкомысленная жена Виолетта ушла к пекарю с соседней улицы. После Джеймс принял ряд спонтанных решений. В один прекрасный день профессор решил покинуть свой родной город под номером 2. Он сел в свой паромобиль и решил отправиться в места самых глобальных разломов с целью изучить новый элемент под таинственным названием Сакраментий, и далекий Шео-Нори отлично подошел для этой цели, так ему показалось.

Поселившись на новом месте, он продолжил свою врачебную практику и со временем стал популярен настолько, что люди приезжали к нему с сложнейшими проблемами с разных концов континента.

У Джеймса был отец и даже брат, но как бы это не показалось странно, как и все, кого он знал Джеймс вырос в приюте. Так что было неудивительно, что его светлую голову однажды посетила мысль открыть свой собственный приют.

Первым был построен корпус Эна. Почти все дни профессор проводил в нем, там же располагалась его главная лаборатория и рабочий кабинет. Недели напролет он мог проводить в библиотеке в своем кресле-качалке, погружаясь в мысли, после чего рано или поздно у него рождался ответ на тот или иной вопрос. Следующим был построен корпус Диа и полностью был отведен под экспериментальную лабораторию по проекту «Ресурсного альянса», ее развитие спонсировалось правительством. Корпусы Триа и Тессера были открыты совсем недавно, и о них вы узнаете позже, а сейчас вернемся к описанию профессора.

Не было области знаний, в которой бы не разбирался профессор. Джеймсу Ноктику было интересно абсолютно все, но больше всего его занимало изучение иммортологии, науки о бессмертии. И именно ей были посвящены многочисленные работы и трактаты, написанные им в последние годы.

Он никогда не делил людей на плохих или хороших, богатых или бедных, к нему за помощью обращались как простые люди, так и высшая знать. А уж его гувернантка Роуз тоже без дела никогда не оставалась: на один совет Джеймса посетителям доставалось с десятков советов Роуз в уютной гостиной за травяным чаем с вкуснейшими ароматными мягкими ванильными пышками с сахарной пудрой.

Женщины же сохли по профессору при первой возможности, он обладал непревзойденным врожденным шармом. Только полная обаяния улыбка Джеймса сводила дамочек с ума настолько, что они начинали верить в любовь с первого полувзгляда, а многие и вовсе не понаслышке искали встреч с ним ради интереса. Из-за этого любовного многоугольника у Джеймса нередко возникали проблемы, которые почти всегда решались с помощью хитрости тетушки Роуз.

Кто этот рыжий мальчишка, что стоит около профессора, спросите вы. Разве у Джеймса была не дочь, и разве она не умерла очень давно? Все верно. Этого рыжего мальчика зовут Луи. Малыша Джеймс Ноктик усыновил, когда тому был всего один год.

Отец мальчика не вернулся из плавания. После исчезновения Филиппа рассудок Изабель — матери Луи помутился и она совсем скоро пристрастилась к алкоголю.

Несколько раз она чуть не спалила свой дом, когда засыпала с сигарой во рту. Последний прецедент совпал с тем временем, когда у нее находился в гостях родной брат Тьютор Цвальд. После произошедшего Тьютору ничего не оставалось как взять на попечение непутевую сестру и ее сынишку.

В один вечер Изабель направилась к двери, обещав вскоре вернуться. Это было неправдой. После этих слов больше никто никогда ее не видел. Что с ней стало? Никто не знает.

Прошло несколько недель после ее ухода и Тьютор изрядно привязался к мальчишке, но из-за проблем со здоровьем ему было все сложнее управляться с ним. Каждый раз, когда он вставал с кресла, его колени дрожали от его огромного веса, а одышка не давала возможности пройти несколько шагов не сделав паузу на остановку. Отчего рос его вес он не понимал, ведь ел он всего раз в день, и то не всегда. Дверные проемы ему давались с трудом, он еле протискивался в них боком, и в какое-то время он вовсе перестал помещаться в них. Все необходимое он перенес к кровати, и словно большой слуга поселился в кресле около люльки.

В одно утро грузный мужчина прикрыл глаза и перед его внутренним взором тут же возникла гора воспоминаний. Вот он еще маленький мальчик, худой и щуплый, но очень сильный. Вокруг весело и беззаботно носятся дети из приюта. Откуда-то появились два его брата-близнеца, которые умерли еще в юности от внезапно развившейся водянки, и сестра Изабель. Они радостно зовут брата присоединиться к их игре, и он, счастливый и одухотворенный, тут же срывается с места, устремляясь к ним. В этот момент его тело внезапно наполняется силой, а душа словно освобождается от невидимого груза, легкость охватывает его, что он ощущает себя почти невесомым. Едва коснувшись ногой земли, мальчик слегка отталкивается и тут же взмывает в воздух, поднимаясь все выше и выше. В то утро доброго Тьютора не стало.

И так совпало, что в этот самый момент в дверь кто-то постучался. За дверью находился врач, который регулярно приносил лечебные снадобья для Тьютора. Не дождавшись ответа человек уже собрался уходить, но вдруг услышал детский плач изнутри. Тогда он схватил первый попавшийся камень, которым тут же разбил окно.

Как только лекарь оказался внутри пред ним предстала грустная картина. Так произошла первая встреча Джеймса и Луи.

Из под растрепанных рыжих кудряшек на профессора смотрели два огромных наполненных недетской мудростью глаза цвета зелени позднего лета. Ручки и ножки на бледном истощенном тельце напоминали хрупкие березовые веточки. Издав тяжелый вздох, Джеймс протянул свои теплые руки мальчику, на что тот сначала долго вопросительно смотрел, но потом встал и протянул маленькие ручки в ответ.

С того периода прошло уже четыре года, и все они пролетели как одно мгновение, Джеймс любил и растил Луи словно родного сына, и всегда, куда бы ни шел Джеймс, что бы ни делал, он всегда брал с собой малыша Луи, не смотря на его столь юный возраст.

Итак, вернемся к тому немаловажному дню, с которого все началось.

Так получилось, что в последний месяц никто не посещал профессора. На тот момент Джеймс был бы даже рад многочисленным интригам со своими поклонницами, но все они будто внезапно позабыли дорогу. Истосковавшись от рутины, Джеймс решил отправиться в поход с малышом Луи. Он планировал исследовать высушенное русло реки, сделать заметки о новых видах животных на юго-востоке от города, а так же насобирать редких трав для непревзойденного чая Роуз.

Паромобиль остановился неподалеку от того места, где раньше была река, из него вышли двое людей и принялись неспешно изучать округу.

Следует отметить, что мальчик очень любил ходить в походы с отцом. Особенно ему нравились утренние часы, когда природа только просыпалась: капли росы, словно россыпь драгоценных камней, поблескивали в первых золотистых лучах солнца, воздух, наполненный свежестью наполнял легкие, а цветы начинали распускаться, словно наряжались к празднику нового дня.

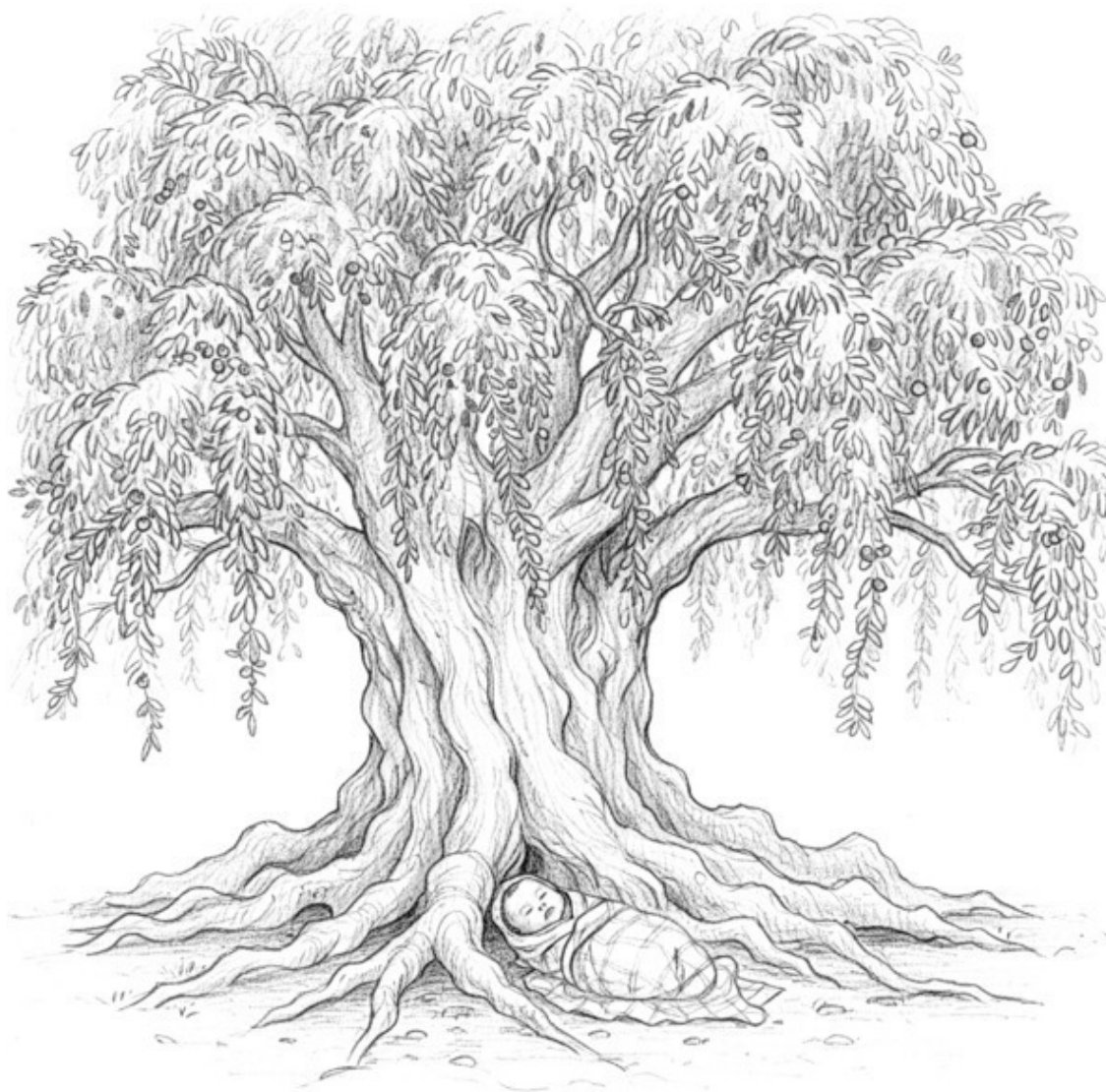
Внезапно Луи замер. Его удивленный взгляд застыл на тисовом дереве, которое росло неподалеку.

— Оно только что светилось! — закричал Луи. Джеймс улыбнулся и потрепал мальчика по его рыжей голове.

— Яркий свет — это ничто иное, как всплеск светящихся семян, выпущенных удивительным растением под названием Светозар в момент его размножения. Наверняка, он где-то поблизости... — Джеймс опустился на колени, после чего принялся выискивать на земле тот самый цветок, о котором он только что говорил. Однако вместо растения профессор обнаружил нечто иное.

— Это определенно не светозар...

То, что обнаружил профессор, оказалось окровавленным пестражем, который заботливо окутывал своим телом, словно оберегая, маленький зеленый сверток.

Мужчина аккуратно отодвинул животное в сторону и на мгновение оцепенел от увиденного: из свертка показалась совсем крохотная человеческая ручка.

Джеймс аккуратно развернул одеяльце и принялся осматривать младенца, к счастью, тот оказался жив, но с каждой секундой ребенок становился все слабее. Его дыхание постоянно сбивалось, а сердечный ритм был хаотичным, но он упрямо цеплялся за каждый вздох, словно крошечный маленький воин в борьбе с самой смертью.

Его тельце подрагивало, а крохотные пальчики каждой из четырех рук сжимались и разжимались, словно каждая старалась ухватить нить ускользающей жизни. Что? Вы хотели бы узнать, не произошла ли ошибка в моём повествовании? Вовсе нет — на туловище ребенка было аж целых четыре руки, да-да, именно четыре полноценные верхние конечности, казалось, сама природа обсчиталась в день его создания.

— Бедное создание, кто же мог поступить так с тобой? — С грустью в голосе задал вопрос профессор. Хотя ответ был очевиден: после Всемирного катаклизма порой стали рождаться дети, не похожие на остальных.

Снежный Король посчитал, что вина тому — действие Сакраментия — опасного вещества, которое источали расщелины, образовавшиеся по всему миру. Успевальд счел таких детей опасными и издал указ об их изоляции от общества в своих лабораториях, где ставил над ними опыты.

За неисполнение указа предусматривалась публичная казнь каждого, кто укрывал подобных детей.

Некоторые родители, не в силах смириться с мыслью, что их ребенок станет объектом бесчеловечных экспериментов, предпочитали своему чаду трагическую судьбу, подобно тому случаю, что только что увидел Джеймс. Профессор считал, что упрекать таких людей никто не вправе, ведь в их непростом решении читалась глубокая любовь и решимость защитить.

Джеймс уселся с младенцем на руках на влажную от росы траву, и просидел несколько минут в раздумьях.

— Отец? — К профессору подошел Луи и вопросительно посмотрел на него своими выразительными зелеными глазами.

— Я только что принял решение, возможно, одно из самых важных, что мне когда либо приходилось принимать. — Задумчиво произнес Джеймс, — однако, выбранная мною тропа пролегает далеко от пути закона. Но что поделать, мое сердце — тот еще навигатор.

Луи понял, что поход окончен, когда увидел как профессор погрузил пестража и младенца в паромобиль, и тоже поспешил забраться в машину.

Дорога домой выдалась долгая. Луи все время пути согревал маленькое тельце, завернутое в колючее одеяльце изумрудного цвета. В один момент любопытство взяло верх, и он развернул часть одеяльца, но тут же поспешил накрыть снова, боясь что младенец может замерзнуть. Пестраж лежал рядом, его шерсть, пропитанная кровью, слиплась и источала неприятный запах, смердящий на всю повозку.

— Очевидно, нарвался на местных волколыков, защищая младенца. — Джеймс поморщил нос, — его изрядно потрепали, но он еще жив.

— Волколыки?

— Да-а. Ужасные создания, вечно голодные и жутко злые. Один только вой волколыка может вызвать парализующий страх. — Джеймс ненадолго повернулся к мальчику, чтобы убедиться, что рассказ не испугал его, но лицо Луи выражало лишь еще большую заинтересованность.

— Что пестраж и младенец делали одни посреди леса?

— Похоже, что их привезли вместе. Дело в том, что в самой природе пестражей заложено благородство, их сердце преисполнено любви и неподдельного сострадания к ближним.

Животное понимало, что не может оставить ребенка в одиночестве в такой момент, и движимое инстинктом защиты сделало свой осознанный выбор — разделить его трагическую судьбу.

Джеймс потрепал мальчика по рыжей голове, и тот вдруг закричал:

— Приехали!

На горизонте уже вырисовывались владения Джеймса: на огромной территории приюта по разным сторонам располагались здания, а в центре находился фонтан.

Звук паромобилia нарушил тишину, оглушительно прогремев на всю округу. На пороге уже поджидала тетушка Роуз, пожилая гувернантка. Она была удивлена их раннему возвращению, ведь Джеймс обещал вернуться только к вечеру.

— Как хорошо, что вы вернулись так скоро, на небе сгущаются тучи, похоже будет сильная гроза. Надеюсь, вам удалось собрать хоть немного листьев Превосходника? Марта рассказала мне о новом рецепте чая, который может излечить даже самый запущенный случай... — Следует подчеркнуть, что во всем Шео-Нори не было человека, который знал бы больше увлекательных историй, чем тетушка Роуз, но на этот раз она замолчала на полуслове, услышав слабый детский плач, больше напоминающий жалобный писк.

— Кто тут у нас? — гувернантка осторожно взяла сверток из рук Джеймса и приоткрыла его: к тому моменту младенец уже согрелся и порозовел, — Ох, Джеймс... Что ж, добро пожаловать в приют Святой Лилии. Тебе у нас тут очень понравится, — женщина расплылась в улыбку и унесла ребёнка, покачивая его и что-то тихонько напевая.

Джеймс и Луи уселись в глубокие мягкие кресла в просторной гостиной, залитой теплым светом от камина. В воздухе витала таинственная, чуть тревожная атмосфера, а за окном уже всюду бушевала непогода: дождь яростно барабанил по стеклу, вдалеке раскатисто гремел гром, а вспышки молний время от времени озаряли задумчивое, серьезное лицо Джеймса. Луи изредка поглядывал на отца, тот был глубоко погружен в свои мысли.

— А вот и чай, — тетушка Роуз с улыбкой внесла серебряный поднос с маленьким чайником и белыми миниатюрными кружечками.

На блюдечке красовались аппетитные булочки, мягкие и ароматные, которые совсем недавно испекли с особой заботой и любовью, запах выпечки мгновенно пропитал уютom все вокруг.

— Благодарю за самый вкусный чай во всем Шео-Нори, дорогая тетушка Роуз, — произнес с улыбкой профессор, отдав должное позднему завтраку. Он поставил пустую чашку на поднос и удалился по делам. Луи тут же последовал за Джеймсом, так и не сделав в ни единого глотка чая и не отведав вкуснейшей свежей выпечки.

Тетушка Роуз с грустью вздохнула и принялась убирать посуду, что-то вновь напевая себе под нос.

Глава 2

Настоящее время, а если быть точнее, 2175 год.

На старом кожаном кресле спал юноша, сжимавший в руках маленькую скрипку. Познакомьтесь, имя его Ивон и этот юноша главный герой данной истории.

Сквозь забитое потемневшими деревянными досками окно пробивались яркие золотистые лучи солнца. Один из них попал юноше на лицо, и тот накрыл глаза своими длинными тонкими пальцами, явно не желая просыпаться.

Внезапно старые дверные петли немелодично закричали. Звук был таким громким и внезапным, что юноша вздрогнул всем телом и едва не выронил скрипку. Послышались знакомые шаги, и через мгновение в комнате появился Луи, рыжеволосый молодой человек лет двадцати с подносом в руках. Юноша задумчиво спускался по ступенькам, а похлебка то и дело пыталась улизнуть из тарелки, ритмично раскачиваясь на подносе в такт его неаккуратных резких движений.

Ивон сел и потер глаза, прогоняя остатки сна.

— Уже утро?

— Утро ты проспал, — произнес Луи, наклонив голову в бок, — как и обед.

Ивон вдруг отметил, что одежда брата мокрая и рваная, несвойственное состояние для человека строгих правил, который всегда отличался педантичностью.

— Что-то случилось?

— Ночью кто-то совершил диверсию. Одновременно прорвало сразу три водохранилища. Одно из них находилось в Эна прямо над лабораторией Джеймса. Не будь ты здесь, я бы подумал, что это твоих рук дело.

— Решил сразу с комплиментов?

— Ничего личного, но в последнее время от тебя было уж слишком много проблем, братец. — Рыжий юноша водрузил поднос на небольшой столик, даже не заметив, что больше половины супа пролилось. — И постарайся в этот раз ничего не разбить, Джеймс очень любит этот фамильный китайский фарфор.

— Ты об этом? — спросил Ивон, после чего взял одну из тарелок и слегка ударил ею о стол, не отрывая насмешливого взгляда от Луи, — ой, прости, я такой неаккуратный!

Провокация с треском провалилась. Луи подавил улыбку — ему всегда было забавно наблюдать за попытками Ивона вывести его из себя. Подобные выходки брата были для него давно привычным делом. С невозмутимым видом рыжий юноша достал листок бумаги и принялся что-то писать.

— Стой-стой-стой! Что ты там пишешь? Ты не смеешь просто так добавлять дни, не согласовав с Джеймсом! — Вдруг закричал Ивон, когда понял, что его игра обернулась против него же самого.

— Ты прав. За несколько новых царапин на своей любимой посуде он добавил бы не два, а, допустим, дней десять, — Луи сделал новые заметки и убрал листок в карман.

— Ты не можешь так поступать со мной! Эти стены словно вытягивают из меня здравый смысл! Я прямо сейчас чувствую как схожу с ума, глядя на них! — с явным драматизмом изрек Ивон, схватившись за голову.

— И о каком таком здравом смысле ты говоришь? Разве он у тебя когда-нибудь был? — из темноты вновь показался высокий силуэт, теперь на свету можно было отчетливо разглядеть лицо Луи. Темные мешки под глазами выдавали недостаток сна за последние несколько суток. — И ты бы видел эти стены немного реже, если бы хоть изредка заглядывал в книги, что я тебе принес. А еще если бы ты перестал быть источником всех моих проблем! — Луи вдруг понял,

что перешел на крик и резко замолчал, после чего сел на ступеньки, запустив руку в свои волосы. Просидев так с закрытыми глазами около минуты, он продолжил говорить очень тихо:

— Я бы с удовольствием поболтал с тобой еще, но в отличие от твоих часов, мои — идут. — Луи поднес руку к своим зеленым глазам и устало посмотрел на бегущую стрелку на циферблате, затем встал и вновь направился к двери.

— Но у меня нет никаких часов.

— Вот именно!

— Хотя бы скажи, сколько мне еще тут сидеть?! — крикнул Ивон вслед, но дверь уже захлопнулась.

— И так всегда, — с грустью произнес юноша и заглянул в свое отражение на металлическом подносе. — Похоже, как и прежде, ты будешь моим единственным собеседником, готовым выслушать меня в любое время.

Он оглядел подвал, и взгляд его остановился на стопке с конспектами, заботливо принесенными братом на прошлой неделе с занятий из корпуса Триа, но предпочел отложить чтение на потом. Ивон, признаться, не любил читать. Его самых любимых занятий было всего два. Юноша либо искал неприятности на свою голову, либо играл на скрипке. И то, и другое у него получалось с непревзойденным мастерством. Что касается неприятностей, то в подвале сложно было их отыскать, а вот скрипка всегда была у него под рукой.

Этот инструмент всегда был с ним, пока он себя знал, он была верным спутником Ивона в бурном потоке его жизни, словно маленький плот в океане, который не давал ему кануть на дно. К сожалению, его память не сохранила момента первой их встречи, но представить себя без скрипки он никак не мог.

Он взял в руки маленький музыкальный инструмент, смахнул с него легким движением пыль, оставив только Джека, маленького паучка, обосновавшегося на скрипке несколько дней назад.

— А мы с тобой немного похожи, — протянул Ивон, и тут же подумал, как он при этом наверняка глупо выглядит, разговаривая то с подносом, то с пауком. Может, он и правда уже сошел с ума?..

Тем временем Джек, несколько секунд посидев неподвижно, потряс лапками и уполз, медленно покачиваясь, в корпус скрипки. Юноша вздохнул, мысленно провожая своего единственного друга, затем выпрямился и встал в центр подвала.

Следует отметить, что Ивон был высокий и неестественно тощий, и от этого казался еще длиннее. Его верхних конечностей было чуть больше обычного. От этого юноша стыдился своей внешности и всегда носил накидку из черной плотной ткани, полностью закрывающую верхнюю часть своего тела.

Из под полотна показались длинные пальцы, которым юноша обхватил гриф, смычок коснулся струн, и подвал наполнился чарующими звуками.

Музыка Ивона словно оживила старый подвал, превращая его в зачарованный грот. Волшебные звуки скрипки подобно хрустальным нитям оплетали серые стены, которые вдруг заиграли мерцающим цветом, каждая нота, словно маленькая искра, разгоралась в воздухе, превращая старое помещение в светлое и красочное полотно.

Играя, юноша забывал обо всем. Музыка уносила его все дальше и дальше от этого тесного подвала, и теперь он уже был не здесь, а на бескрайнем зеленом поле, ступни его ощущали мягкое полотно, влажное от росы, солнце ласково согревало плечи, а ветерок трепал волосы. Где-то рядом пролетел деловой шмель, несущийся по своим делам, а в кронах деревьев щебетали стаи птиц. Так, играя, он создавал свой красочный мир фантазий, куда мог попасть из любого места.

Внезапно с оглушительным треском почерневшие доски, закрывающие снаружи узкое подвальное окно, отлетели в сторону, обнажив ржавые металлические прутья. Ивон приоткрыл

глаза — и, к своему удивлению, увидел, что фантазия становится явью: под солнечными ослепительными лучами зеленела травка, на ветках набухли почки, а где-то в воздухе весело резвились птицы. Он подошел поближе к окну и глубоко вдохнул свежий воздух.

Послышались чьи-то шаги неподалеку — юноша резко отпрянул от окна и накиннул капюшон на голову.

В оконном проеме появилась очаровательная мордашка юной особы, ее лазурные голубые глаза с обрамляющими пышными выгоревшими на солнце ресницами, разглядывали помещение из маленького окошка.

— Тут кто-то есть? — Задала вопрос девушка и Ивону на мгновение показалось, что она знает о его присутствии: подвалы не предназначены для жилья, и с чего ей было думать, что здесь кто-то может быть?

— Обычно здесь кто-то есть, гораздо чаще, чем никого. — ответил Ивон, стоя за стеной рядом с окном.

— Могу я увидеть того, с кем говорю?

Ивон сначала показался наполовину, а затем вышел полностью.

— Кто ты? И почему прячешь свое лицо?

— Меня зовут Ивон, и я сын основателя этого приюта, — с гордостью в голосе произнес Ивон, но тут ему стало неловко от своего ответа, ведь Джеймс называл своими детьми каждого из своих подопечных, — А прячусь я оттого, что родился уродом, — соврал юноша. Однако ложь прозвучала слишком глупо и неубедительно, отчего на лице девушки тут же появилась улыбка. Стоит заметить, что мало кто раньше улыбался Ивону, потому что все знали его как самого ужасного хулигана.

— Скажи, почему я не видела тебя раньше? Разве ты не посещаешь занятия в Триа?

Юноша почесал затылок:

— Джеймс запретил мне появляться в корпусе Триа, он считает, что я слишком заносчивый и могу помешать учебному процессу, поэтому я совсем необразованный, — и засмеялся.

Заразительный смех нового знакомого так развеселил девушку, что и она тоже звонко рассмеялась.

— Астория! — внезапно раздался неподалеку мужской голос, а спустя мгновение появился и его обладатель, в руках он держал странную металлическую конструкцию. Когда молодой человек подошел совсем близко, Ивон смог отчетливо разглядеть его идеально причесанные уложенные назад волосы, белоснежную рубашку и безупречный наряд.

Параллельно с происходящим Ивон вдруг понял, что только что узнал имя девушки, и оно оказалось не менее прекрасным, чем она сама. Он мысленно произнес его, и в этот момент оно заняло маленькое место в сердце юноши, хоть он и не осознал этого.

— Это Эдвард — произнесла Астория, указывая на юношу рядом с собой, — Обычно, мы не покидаем территорию Тессера, но сегодня сбежал Виваль — любимый питомец нашего смотрящего. Мы долго преследовали его, и в конечном итоге он сумел скрыться в этих кустах с розами. Эдвард, резко вывернув руль, не справился с управлением и велокс занесло, отчего он влетел прямо в подвальное окно. Знаешь, было бы лучше, если бы Джеймс не узнал о том, что мы были здесь.

— Как ты сказала? Корпус Тессера? — растерянно переспросил Ивон.

— Да, именно так я и сказала.

— Это далеко от нашего приюта?

— Неужели, ты не знаешь о нем? Похоже, что ты тут совсем недавно?

— Около пятнадцати лет.

Высокомерный юноша ощутил это незнание как удар по собственному достоинству, как кто-то мог не знать о столь важном. Непонимание буквально ошеломило его и он тут же влез в беседу:

— Тогда почему ты не знаешь о корпусе, что находится за теми несколькими оградами? — он указал в сторону высокой изгороди, которая издали казалась совсем крохотной.

— Но там нет никакого корпуса. Там всегда была выгребная яма для опасных отходов из лаборатории Джеймса, и только, — продолжал настаивать на своем Ивон.

— Занятно... Раз уж ты не в курсе, позволь просветить тебя. В твоём корпусе Эна обитают те, кто влачит свое жалкое существование, не живет, а попросту прозябает. В нашем же — истинная элита, сливки общества. Вы обязаны склонять свои головы перед нами, а не мечтать о равенстве. И даже прислуживать нам вы не способны — такие как мы не опустимся до того, чтобы принять помощь от таких как вы. Настолько вы нам омерзительны, — Эдвард делал паузу после каждого слова, произнося их с безгловым выражением лица. — Надеюсь, ты всё уяснил?

Астория заметила, как на лице ее нового знакомого проскользнула ухмылка, явно не предвещающая абсолютно ничего хорошего.

— Похоже, что в вашем корпусе Тессера совсем не учат хорошим манерам? — донеслось из маленького окна.

— Прости, Ивон, мы не хотели оскорбить ни тебя, ни то место, где ты находишься, — тут же попыталась смягчить обстановку Астория, но было поздно, в воздухе уже повисла обоюдная ненависть.

Лицо Эдварда покраснело, вероятно, ему еще не приходилось слышать подобную дерзость от постояльцев Эна. Бросив в розовый куст двухколесное устройство, он приблизился к окну. Один из его локонов при этом упал ему на лицо, он пригладил его рукой назад, затем резко просунул руку через прутья и схватил Ивона за воротник, подтянув к себе. От маневра капюшон Ивона слетел и оба чужака замерли при виде ярко-синих глаз юноши.

— Так вот какую зверушку укрывает у себя Джеймс... — в душе Эдвард торжествовал: то, что он только что узнал, позволяло ему в очередной раз продемонстрировать свое превосходство над новым знакомым и с изяществом унижить его, указав на истинное место.

— Такие глаза я видела только в книгах, — тихо произнесла Астория.

— Зато я насмотрелся подобного сполна, — со злобой в голосе произнес Эдвард, — когда отец водил меня в лаборатории. — Тессеравец расхохотался, обнажив зубы в широкой улыбке, напоминающей самый настоящий оскал, — Так это ты хотел обсудить мои манеры? Ты, жалкий эскуль, чье существование в этом мире лишь короткое временное явление?

— Я бы и впрямь не отказался обсудить их, если бы они были, но, возможно, ты их позабыл в кармане другого пиджака.

Эдвард еще сильнее рассмеялся и с силой впечатал лицо Ивона об металлическую решетку, так, что лицо громко звякнуло об нее и пара зубов вылетели с такой скоростью, будто опаздывали куда-то и тут же исчезли в траве. От сильного удара юноша опустил голову и вытер рукавом кровь, стекающую с подбородка. И когда он поднял взгляд, в глазах не было боли, только дерзкая насмешка, словно факт удара его лишь позабавил.

Однако, в воображении Эдварда все было иначе: он представлял, как тот разозлится, выйдет из себя, или хотя бы заплачет от боли и унижения, но реальность оказалась иной — Ивон улыбался и с издевкой пытался выставить его глупцом. Осознание этого несоответствия вновь ударило по самолюбию и злость вспыхнула ярче.

— Или брюк. — вновь донеслось из окна. — И раз уж они напрочь отсутствуют, боюсь, что и обсуждать нам с тобой нечего, дубина пустоголовая.

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать!

От злости на лице Эдварда запульсировала вена, а сам он побагровел так, что стал похож на переспелый помидор. Тессеравец вновь ударил юношу лицом о железные прутья и еще один зуб последовал за предыдущими.

— Хватит! Перестань! Ты делаешь ему больно! — Астория схватила Эдварда за рубашку, белоснежность которой уже нарушили несколько пятен крови синеглазого юноши, и попыталась оттащить его в сторону.

— Ты права, у нас нет времени на выяснение отношений с этим пустым местом. — Эдвард принялся отряхивать руки. — Теперь придется вымыть их трижды.

Вдалеке послышался мужской голос, и молодые люди тут же переглянулись.

— Нас зовет наш смотрящий. Это тот, кто следит за порядком в корпусе Тессера, — тут же поспешила объяснить Астория, поймав на себе непонимающий взгляд Ивона, — В твоём корпусе Эна тоже должен быть смотрящий.

После услышанного Ивон замер, погрузившись в раздумья: кто бы это мог быть? В голове одна за другой всплывали фигуры постояльцев, но Астория развеяла его мысли раньше, чем он успел сделать вывод.

Эдвард вновь приблизился к решетке и несколько секунд смотрел прямо в глаза Ивону.

— Ивон-Ивон... какое же глупое у тебя имя: Ивон. К счастью, у лабораторных крыс нет имен. — процедил он сквозь зубы, затем резко развернулся и пошел в сторону своего корпуса, — Астория! — закричал он, когда заметил, что та не последовала за ним.

Ивон накинул капюшон обратно на голову, вновь спрятав глаза в его тени. Алые капли крови одна за другой скатывались по его щеке, оставляя темные пятна на воротнике. И в один момент Астория уловила, что губы Ивона дрожат от боли, а капюшон на этот раз скрывал вовсе не глаза, как могло показаться на первый взгляд, а самые настоящие слезы, которые затаились и смешались с потоком крови.

Астория стояла, словно замороженная, не в силах оторвать взгляд от Ивона. Неожиданно для всех она провела рукой по его окровавленной щеке, затем поднесла ладонь к своему лицу и вдохнула запах. Красная, липкая, с металлическим запахом — кровь ничем не отличалась от той, что была у обычных людей. В сознании девушки всплыли заученные фразы, которым ее учили в Триа, что эскули — это опасные монстры, и их место в клетках лабораторий ради безопасности человечества. Но эти учения разнились с той реальностью, что она только что увидела. Перед ней стоял никакой не монстр, а самый обыкновенный мальчик.

В груди ее что-то дрогнуло, будто мир поменялся в одно мгновение, без единого слова она развернулась и побежала вслед за Эдвардом.

— Тессера... — тихо произнес Ивон, когда Астория была уже совсем далеко.

Казалось, что их соприкосновение взглядов открыло целую новую историю, которую им только предстояло узнать.

Ивон еще некоторое время стоял у окна, глядя, как фигуры быстро исчезли за раскидистыми деревьями, словно их и не было, а поломанный велокс так и остался грустно лежать в кусту с розами.

Глава 3

Наступило утро следующего дня. Доски так и не вернулись на свое привычное место, поэтому подвал полностью озарился солнечным светом, насыщая каждую пылинку волшебным магическим свечением.

Ивон открыл свои ярко-синие глаза и тут же сощурился. Он быстро вскочил на ноги и подбежал к окну, но на этот раз там никого не оказалось, лишь черный мурмоглот Бублик, греющийся на солнышке, развалился на травке и одним глазом наблюдал за пролетающей над ним живностью.

— Эй! — крикнул мальчик, — Есть тут кто-нибудь? — но тут же схватился за челюсть, — ах, черт, *fatue!* — его эрудированный отец всегда ругался исключительно латинскими словечками, любая неудобная ситуация сопровождалась странными заклинаниями, вылетающими из уст Джеймса. Ивон запомнил каждое ругательное выражение и интонацию, когда-то произнесенные отцом. Хотя и не всегда юноша понимал истинный смысл данных высказываний, но вот-вот да и использовал эти обороты.

Бублик открыл глаза и недовольно посмотрел в сторону мальчика, затем встал, потоптался на месте, лениво потянулся и перелег на другой бок.

Надо отметить, что в приюте было очень много всякой живности. Помимо замеченных на территории десяти мурмоглов, пяти зубоклыков, двух сторожевых пестражей был еще один гусь, вероятно, сбежавший из одной из ферм поблизости, который появлялся так же внезапно, как и исчезал.

Раздался скрежет ключа, за которым последовали знакомые шаги. Они не принадлежали Луи, шаги были тяжелее и медленнее. Вскоре показалась фигура Джеймса, он остановился посреди лестницы и взгляд его упал на лицо мальчика.

— *Damnante eam!* Похоже Луи совсем слетел с катушек! — он подбежал к юноше и принялся осматривать его лицо, — Вот что происходит, когда доводишь своего брата своими вечными проделками!

— Отец, это не Луи...

— Не причем? Тогда... Как... Что, черт возьми, с тобой произошло?

— Я всего лишь споткнулся, — ответил юноша, улыбаясь и задумчиво поглядывая в сторону окна, где еще остались предательские следы капель крови после десанта нескольких зубов, — когда спускался по лестнице, — добавил Ивон и заслонил собой окно.

Джеймс обошел подвал дважды. Он тщательно осмотрел его, но не обнаружил ничего, что, на его взгляд, могло привести к тем последствиям, что были на лице юноши. Тогда профессор остановился и пристально взгляделся туда, где стоял Ивон.

— Как твоя лаборатория? — не желая, чтобы отец узнал истинные обстоятельства случившегося, юноша поспешил отвлечь его, — Луи говорил, что ее подтопило хранилище?

Ивон добился своего — его хитроумный замысел удался. От упоминания о произошедшем Джеймс замер на мгновение, взгляд его стал пустым и отстраненным. Он тяжело опустился в кресло, будто груз воспоминаний придавил его плечи.

Всего приюте Святой Лилии было две лаборатории. Джеймс не любил из них ту, что находилась в корпусе Диа. Она занимала все здание целиком в несколько этажей, и казалась профессору неудобной и очень мрачной. Больше по душе ему приходилась лаборатория в корпусе Эна: именно в ней рождались все главные идеи и разработки Джеймса, день и ночь велись эксперименты и свершались великие открытия.

— Моей любимой лаборатории больше нет, — мрачным голосом произнес он, — теперь там гигантский аквариум.

— Аквариум?

— Я был готов к различного рода ситуациям, но точно не к такому: когда я открыл дверь, вода не разлилась наружу. Она словно застыла: пространство удерживали бесцветные границы, будто комната была запечатана изнутри, а все предметы в ней парили, будто рыбы. А самое необыкновенное, и даже пугающее, что в центре этого аквариума — настоящее пульсирующее сердце.

— Но это невозможно...

— Вот-вот. То же самое сказал и Луи. Ах, да... — Джеймс поднял указательный палец вверх, будто вспомнил о чем-то важном, — Я дал поручение Луи следить за тобой, и вести список всех твоих проделок, велел отправить тебя в подвал для отбывания своего очередного наказания как только их количество превысит десяток. Какого же было мое удивление, когда я узнал, что этот самый десяток набрался уже за одну неделю. Одну неделю! И здесь лишь ключевые твои промахи. Если бы Луи решил уместить на бумаге все, что ты натворил за последнее время, то во всем Шео-Нори не осталось бы ни единого дерева!

Профессор уселся в кресло и достал из внутреннего кармана пиджака крохотный листок. В его руках бумага начала стремительно расти, пока не увеличилась многократно в размерах. Профессор неторопливо разгладил края и принялся за чтение:

— День сто шестой: ровно по одному башмаку из каждой пары обуви постояльцев обнаружено в фонтане — Джеймс заметил, как на лице Ивона промелькнула едва заметная ухмылка. — День сто восьмой: ты умудрился выкрасть из моей лаборатории экспериментальный психоделический порошок, вызывающий приступы неконтролируемого смеха, и набить им все солонки в столовой. У бедной Марты до сих пор трясутся руки при виде обычной приправы. День сто девятый: фейерверк в туалете... — Ивон, тебе действительно кажется это остроумным? — Джеймс поднял глаза на Ивона, в надежде увидеть хоть тень раскаяния, но тот слушал список своих проделок с таким видом, словно ему зачитывали перечень величайших достижений. — Что ж, продолжим... День сто одиннадцатый: гусь. Всем давно известно, что ты водишь дружбу с этой птицей, но натравить её на Луи — это было верхом жестокости! Сто четырнадцатый день: из столовой исчезла вся посуда. Чтобы дети не остались голодными, мне пришлось отдать в общее пользование все свои старинные сервизы. Сто пятнадцатый: пожар в гостиной. Я лишился своего любимого персидского ковра.

Джеймс вновь сделал паузу, выразительно посмотрев на Ивона.

— И как вишенка на торте — сто двадцатый день по календарю. Вдребезги разбита древняя фарфоровая ваза с китайским императором внутри, которой было больше тысячи лет.

Джеймс резко сложил листок и убрал его обратно в карман.

— И что мы имеем по итогу? Возмущенных и негодующих постояльцев Эна, рассыпанного китайского императора по всей гостиной, и крайне негодующего меня. И это еще Роуз не догадывается что за пыль она убирает уже которую неделю и никак не может убрать. Во всей сложившейся ситуации довольными остались только ты и, вероятно, еще тот гусь. Как такое вообще возможно?!

— Ну... вообще-то я его подкармливаю иногда.

— Я не об этом сейчас!

— Просто твои последние слова были о гусе, поэтому я было подумал, что...

— *Damnant eam!* — перебил мальчика Джеймс, — Ивон, что с тобой не так?!

— Прости. Я здесь никогда никому не нравился. Я не буду говорить и рассказывать, как и кто из этих постояльцев обходится со мной. Я не из тех, кто жалуется, но все, что произошло с ними — абсолютно заслуженно. А фарфоровая ваза и ковер и вовсе не моих рук дело — кто очень хотел подставить меня, и у него получилось.

— Очень хочется верить, что это действительно был не ты. — Джеймс уселся поудобнее, откинулся на мягкую спинку кресла и пристально посмотрел Ивону в глаза, так, будто видел его насквозь. После недолгой паузы он произнес: — Сто тридцать седьмой день по календарю...

Ивон нахмурил взгляд, пытаясь унять дрожь внутри. Сто тридцать седьмой день... Что отец имел в виду? Сегодня шла уже вторая неделя заточения в подвале — он не мог ничего натворить, ведь никуда не выходил. Но что, если отец знает про то, что случилось... Джеймс смотрел на юношу не мигая, и от этого тому становилось не по себе. Ивон кусал губы, а взгляд его метался между отцовскими глазами и углами подвала, он отчаянно искал слова, но никак не мог ничего придумать.

— Сегодня твой шестнадцатый день рождения, — голос Джеймса смягчился, утратив недавнюю остроту, — день, когда я нашел тебя. — Профессор на мгновение замолчал, и в его взгляде промелькнула тень теплой заботы.

Ивон вдруг вспомнил, что у него и правда сегодня день рождения. Из год в год он забывал эту дату снова и снова, словно этот день не имел абсолютно никакого значения.

— Шестнадцать лет я старался быть тебе защитой, растил тебя и верил, что время сделает своё дело. И вот ты уже совсем взрослый, Ивон. Большой и плечистый, выше меня на целую голову... — Продолжил говорить Джеймс, грустно улыбнувшись. — Но почему-то твое благо-разумие совсем за тобой не поспевает. Ты вырос, а желание натворить бед осталось прежним, будто тебе всё еще пять лет и ты только-только открыл для себя прелесть шалостей.

Когда же ты начнешь не просто расти, но и умнеть, мой мальчик?

Он вздохнул, глядя на юношу с какой-то усталостью, затем вновь принялся искать что-то в своем пиджаке и немного погодя протянул найденное юноше.

Ивон покрутил предмет в руках, внимательно рассматривая со всех сторон,

— Еще один смычок...

— Прекрасный экземпляр, не так ли? Я приобрел его прошлым утром у Эдвина из соседнего города. У него всегда можно найти что-нибудь редкое или особенное. Но денег он никогда не берет, его интересует только обмен.

— И что ты предложил ему?

— Свои снадобья. Немного пообщавшись с торговцем, я выяснил, что у бедолаги больные ноги. Заодно я дал визитку со своим адресом, чтобы он смог меня с легкостью отыскать, если ему понадобятся другие лекарства.

— Но зачем он мне?

— В силу твоих... особенностей было бы неправильно давать тебе только половину возможностей. Не скажу, что это не очередной из моих экспериментов, но, попробовать стоит, ведь правда? — с этими словами он посмотрел на накидку, скрывающую всю верхнюю половину тела Ивона, и похлопал юношу по плечу, — Вторым из твоих подарков станет то, что сегодня я выпущу тебя из этого подвала. — После этих слов Ивон явно приободрился, ведь до окончания наказания оставалось еще немало дней. — Ты должен понимать, что я совершаю акт невероятного милосердия, выпуская тебя на свободу, и уже заранее сочувствую всем, кто попадется тебе на пути в ближайшие полчаса. А теперь накинь свой капюшон и беги наверх ко всем пока я не передумал, и постарайся на сей раз вести себя достойным образом как истинный Ноктик.

Неожиданно дверь распахнулась и Ивон чуть не столкнулся с растерявшимся Луи, внезапно оказавшемся на его пути. В руках у брата было блюдо с куском торта.

— Ты отпускаешь его? — спросил Луи, на что Джеймс коротко кивнул. Тут рыжий юноша заметил следы побоев на лице у брата,

— Ты умудрился получить увечья, сидя в подвале? Он умудрился покалечиться, но как? — Луи повернулся снова к отцу, но Ивон с Джемсом уже поднимались наверх. Впрочем, перед тем, как удалиться, Ивон успел задуть свечку.

Наступило время обеда. Роуз и ее помощница Марта уже накрывали на столы, ждали только Луи и Джеймса, но никто не ожидал увидеть сейчас Ивона. При виде его побитой нижней части лица постояльцы стали весело перешептываться.

Кто-то не мог сдержать ухмылки, показывая пальцем:

— Что с его лицом?

— Надеюсь, это Луи ему надавал! — доносились голоса вперемешку со смехом из обеденного зала.

Стоит отметить, что никто никогда не видел его лица полностью. Глаза Ивона всегда оставались в тени капюшона, так как их ярко-синий цвет мог выдать в нем того, кого было принято держать в лаборатории и называть мутантом, ну или эскулем. Хотя последнее считалось больше оскорблением. Чтобы объяснить внешний вид юноши, много лет назад Джеймс выдумал легенду об очень заразной болезни, которая изуродовала верхнюю часть лица юноши, и запретил кому-либо прикасаться к Ивону.

Все постояльцы охотно верили этой истории, они сторонились и избегали Ивона, а некоторые ненавидели его из-за этого и строили жестокие козни против мальчика.

Джеймс вышел в центр помещения и окинул всех взглядом.

— Я хочу пожелать всем приятного аппетита, — он улыбнулся и развел руками в стороны, после чего наступила полная тишина.

Постояльцы относились к профессору крайне уважительно. Несмотря на его доброжелательность, было в нем что-то такое, что заставляло беспрекословно подчиняться ему. Подопечные уткнулись в свои тарелки и продолжили трапезу в абсолютной тишине, лишь иногда исподлобья поглядывая в сторону мальчика.

Луи занял место с отцом и усадил рядом с собой брата.

— Луи, сколько на территории приюта корпусов? — Задал вопрос Ивон, губы его при этом слегка дрогнули.

— Столько, сколько и было.

— А сколько было?

— Сколько было, ты и так знаешь.

— Прекрати говорить шарадами и ответь мне прямо! — Ивон вдруг сорвался на крик и взгляды всех присутствующих устремились в сторону молодых людей.

Луи тут же нахмурился и придвинулся вплотную к брату, после чего поднес палец к губам.

— Ведите себя тише, молодой человек, вы явно забыли, что это столовая, а не стадион.

Ивон отодвинул тарелку и негодуя уставился в пустоту:

— Поверить не могу. Столько лет вы с Джеймсом лгали мне. Выдавали еще один корпус за выгребную яму с опасными отходами!

— Допустим, тот корпус и правда существует. Но для тебя путь туда по-прежнему закрыт, как и во все остальные корпуса. Таковы правила. И их установил Джеймс.

Услышав краем уха свое имя, Джеймс насторожился и попытался подслушать о чем говорят мальчики, но звон посуды и стук приборов заглушали их голоса, и разобрать что-либо было невозможно.

— Похоже, не только для них я тут чужой. — процедил сквозь зубы Ивон и встал, чтобы покинуть обеденный зал, но Луи вовремя ухватил его за руку и с силой усадил на место.

— Дай мне минуту. Я все тебе объясню.

Ивон кивнул и поджал губы:

— По несколько секунд на каждый год лжи? Не очень-то щедро с твоей стороны, братец.

— Прекрати драматизировать и выслушай меня.

Ивон кивнул, показывая, что готов слушать, и Луи продолжил говорить:

— Само здание никто никогда не видел из постояльцев Эна, даже я. За той высокой изгородью находится только сад, в котором работают наши ребята. За тем садом следует еще ограда, а уже за ней должен быть сам Тессера. Этот корпус был построен для детей из богатых семей. Дети оттуда избалованны, жестоки и им можно абсолютно все, — Луи посмотрел на

своего отца и кивнул в его сторону, — Джеймс запретил приближаться к постояльцам из Тессера всему нашему корпусу Эна.

— Но разве вы все вместе не посещаете занятия в Триа?

— Верно.

— Но как тогда не приближаться к ним?

— Мы учимся в разное время и обычно не пересекаемая. Кроме одной девушки из Тессера, чьи конспекты я принес тебе. Джеймс позволил ей посещать занятия в наши часы. — Луи запустил руку в пряди своих рыжих волос и потупил взгляд, — Кажется, я рассказал немного лишнего.

— Ты знаешь как ее зовут?

— Ты задаешь слишком много вопросов.

Луи внезапно повернулся к отцу и что-то прошептал на ухо. Джеймс с серьезным видом глянул на Ивона и что-то тихо сказал в ответ. За всей этой картиной наблюдал Ивон.

— Смотрящий нашего корпуса — это ведь ты? Не так ли? — Сухо произнес Ивон, глядя брату в его зеленые глаза. Луи улыбнулся, подперев рукой свою щеку и пристально уставившись на Ивона, ответил:

— В первую очередь, я твой брат.

Все уже давно закончили трапезу и разошлись, в зале остались только двое мальчиков и Марта.

Поблагодарив прислугу за обед, юноши отправились в свои в комнаты.

Глава 4

Поздним вечером того же дня Ивон отправился бродить по подземному этажу приюта, где располагалась библиотека. В одно мгновение мальчик нарушил сразу несколько особенно строгих правил Джеймса — правил, которые прежде соблюдал беспрекословно.

Теперь, зная, что близкие долгое время его обманывали, Ивон намеренно нарушил запрет на посещение этого места в позднее время.

Увидев в кресле неподвижную фигуру Джеймса, юноша вздрогнул. Но убедившись, что тот крепко спит, проскользнул мимо него бесшумной тенью.

Стены библиотеки были сплошь увешаны картинами. Внимание Ивона привлекло полотно с изображением девочки лет семи: золотистые локоны рассыпались по плечам, ее пальцы крепко сжимали старинную скрипку. На ней было легкое муслиновое платье небесно-голубого цвета, а взгляд — васильковый и лучезарный — светился беззаботной радостью.

— Меня не покидает чувство, что я уже где-то видел эту скрипку... — прошептал он.

Внизу виднелась подпись, но время не пощадило краску, и буквы едва читались. Ивон замер: в голове мелькнула догадка, что с холста на него смотрит дочь Джеймса, ушедшая из жизни много лет назад. Он осторожно коснулся картины ладонью, желая смахнуть осевшую пыль, но вместе с серым налетом на пол осыпались и чешуйки краски, обнажив безжизненную бледность старого холста.

Дальше была весьма любопытная галерея: женские и мужские фигуры, дети и даже причудливые животные. Вглядываясь в изображения зубоклыков и мурмоглов — мягкотелых пушистых созданий, позирующих на дорогих бархатных покрывалах, — Ивон в очередной раз поймал себя на мысли, что так и не научился отличать их друг от друга.

Среди прочих выделялась одна странная работа: небольшая картина, изображавшая мужчину в годах в окружении двух подростков. Композиция явно задумывалась как воплощение семейной идиллии, но от нее веяло таким ледяным, бесчувственным хладнокровием, что у Ивона по спине пробежал холодок. Оставив этот запечатленный отпечаток прошлого позади, юноша двинулся вглубь залов.

За бесконечными рядами стеллажей обнаружился вход в подземный переход — узкий туннель, ведущий, вероятно, в какой-то из соседних корпусов. Весь проход был завален книгами, казалось, целая библиотека рухнула здесь, преграждая путь. Стены стремительно сужались, зажатые стопками пожелтевших томов и коробок, которые находились тут десятилетиями. Ивону приходилось буквально втискиваться в узкие щели между бумажными баррикадами.

В какой-то момент пространство стало настолько тесным, что он почти застрял. Книжные горы сдавили его со всех сторон, не давая пошевелиться. Прямо перед глазами оказался корешок с зеленым тиснением, название его прочесть было невозможным из-за странных символов, которых Ивон не знал. Томик выпирал из общей массы. Ивон аккуратно потянулся к нему, пытаясь кончиками пальцев вытащить его, но едва он приложил усилие, как конструкция пришла в движение. Стена за книгами принялась опускаться, отчего лавина книг рухнула с оглушительным грохотом, подняв облако вековой пыли.

Тайный проход был открыт. Всегда, когда юноша фантазировал о подобном, тайный проход открывал волшебную страну, новый мир, или что-то подобное, но никак не уборную комнату, в которой он оказался. Умыв лицо в умывальнике он решил покинуть маленькое помещение. Ивон медленно коснулся прохладной ручки дубовой двери и потянул её на себя.

В ту же секунду его ослепил резкий, торжественный блеск. Зеркальный глянец полов отражал великолепие зала: высоко вверху качались тяжелые хрустальные люстры, а стены укра-

шали рельефные вензеля. Стеллажи здесь уходили в бесконечную глубину, а по центру тянулись усыпанные книгами столы в несколько рядов.

За одной из таких груд книг кто-то сидел. Услышав шорох позади человек обернулся.

— Кто здесь?

Ивон узнал этот голос, он принадлежал его новой знакомой из корпуса Тессера. Вся его решимость куда-то подевалась, он стоял, не в силах шевельнуться или вымолвить хоть слово. Он старался слиться с тенью, почти не дышал, но высокий рост предательски выдал его. Как только женский силуэт двинулся в его сторону, Ивон собрал остатки воли и не придумал ничего лучше как спрятаться за ближайший книжный шкаф.

— Проклятье! Я не боюсь ни боли, ни опасности, я не боюсь самой смерти, — произнес Ивон и медленно сполз на пол, — Но эта девчонка... Встреча с ней пугает меня сильнее всего на свете.

Звук знакомых шагов становился все отчетливее, заставляя сердце Ивона биться быстрее. Еще мгновение, и та, что присутствие вызывало у него паническую дрожь, была совсем рядом.

— Мне показалось, или ты только что вышел из туалетной комнаты? — Астория смотрела на него сверху вниз, и в ее голосе слышалась легкая усмешка.

Ивон молчал, глядя на нее снизу вверх.

— Так ты решил сбежать, даже не поприветовавшись? Продолжила Астория, затем поправила подол своего серого платья и опустилась на пол рядом с юношей. — Кого уж точно не учат манерам, так это вас, энавцев.

Растерянный вид юноши развеселил девушку и она звонко рассмеялась.

— Забыл свой голос в кармане других брюк? — язвительно продолжала она, ухмыляясь. Но тут Ивону удалось совладать с охватившим его волнением и он ответил:

— Вижу, твоя память оказалась получше моей. — Он вывернул карманы своих брюк и развел руками.

— Я должна извиниться за поведение моего друга. Эдвард был чрезмерно груб с тобой.

— Пустяки. Но надо признать, он был первым, кто нарушил закон Джеймса о моей неприкосновенности.

— Неприкосновенности? — переспросила Астория.

— Именно. Ко мне запрещено прикасаться. — Ивон рассмеялся, — И поверь, это правило — единственное, что сдерживает постояльцев моего корпуса. Многие из Эна мечтали бы оказаться на месте Эдварда. У большинства давно чешутся руки сломать мне челюсть или отбить почки.

— Ты словно запретный плод, который всем так и хочется надкусить, — усмехнулась девушка. — Так что ты делал в том подвале?

— Тот подвал — практически вся моя жизнь.

— Твоя жизнь?

— Я не такой как все, если ты еще не заметила. Наверное, мне и правда самое место лишь там. — Ивон опустил голову вниз. — Если об этом вечере узнает мой отец, я вновь окажусь там. Я должен вернуться, пока еще не поздно.

Астория вдруг преградила собой путь юноше:

— Я знаю что значит быть белой вороной. Я тоже не такая как все.

— Белой вороной?

— Это такое выражение. В Тессера меня окружают лишь манерные эгоистичные аристократы, — с досадой продолжила говорить Астория, — с которыми не поговорить по душам, потому что у них ее попросту нет.

— Кто твои родители? Наверняка, они очень богаты?

— Что? Вовсе нет. Они простые инженеры и занимаются обслуживанием лифта между Землей и Марсом, который используется для доставки воды на нашу планету. Они находятся и живут на космической станции уже несколько лет, работая на Успевальда.

По глазам Астории было заметно, что она расстроена.

— Неужели ничего нельзя с этим поделать?

Но вопрос юноши остался без ответа. Девушка явно не желала продолжать беседу о родителях, гораздо больший интерес для нее сейчас представлял тот, кто был напротив.

— Так у вас там есть прислуга?

— Что? — Вопрос Ивона заставил рассмеяться Асторию, — Не-е-ет. Нет у нас никакой прислуги. Так, парочка гувернанток Лю и Фэнь, три сетстрицы-поварихи Нэтти, Кэтти и Бэтти, а также их ученик Робин, конюх Генри, четыре прачки...

— Я понял, понял... Твой Тессера просто рай какой-то, получается... У нас в Эна все совсем по-другому.

— Расскажешь?

— Там нет имен, которые по первому зову решат все проблемы. Почти все рабочие роли распределены между проживающими, и всю грязную работу всегда выполняем мы сами, постояльцы Эна.

— Вы? — девушка с любопытством наклонила голову, — И что же делаешь ты?

Мальчик подошел ближе.

— Твоя кожа бархатная и нежная, а теперь взгляни на мои руки. — Из под накидки показала кисть юноши. Кожа на ей была грубой. — К примеру, сегодня после обеда я несколько часов полировал всю посуду. Луи посчитал, что с моим количеством рук это занятие мне подойдет лучше всего. Никогда не знаешь когда очередная гениальная идея посетит его рыжую голову, — с долей сарказма и досады посетовал Ивон.

Астория вновь рассмеялась и взяла мальчика за руку,

— Я хочу показать тебе кое-что.

— Уже очень поздно. Кажется, мы просидели тут несколько часов.

— Ну же, пойдем. — Астория и слушать не хотела ничего против, и Ивон, недолго мешкаясь, все же пошел за ней. — Закрой глаза. И не открывай, пока я не разрешу.

Ивон послушно последовал за девушкой, он не открывал своих глаз, пока они вдруг не остановились.

— Можешь открывать. — скомандовала Астория и синие огромные глаза юноши тут же распахнулись.

Они стояли у большого окна. Безоблачный ночной небосвод был словно осыпан мерцающими светилами разных размеров и оттенков.

— Я впервые вижу столько звезд. — удивленно произнес Ивон.

— Это не звезды. Точнее, большинство из них это строительные инженерные станции Успевальда. Величественные и загадочные словно магические мерцающие огоньки.

— Наверное, это непросто — быть совсем одной, без своих близких. Так какие они? Твои родители?

— Я их почти не помню. — Тихо ответила Астория, глядя в сторону.

— Знаешь, я тоже ощущаю себя одиноким. Хотя, глупо, наверное, звучит, ведь у меня есть и отец, и брат. Хотя, отец считает меня первопричиной и источником всех бед. А брат, — Ивон рассмеялся, — он, скорее, язвительная заноза, которую никак не вытащить, а если и вытащишь, то будет себе дороже.

— Тогда почему ты ощущаешь себя одиноким?

Лицо юноши вдруг стало серьезным,

— Все дело в моей тайне...

— Что? И какая же она? Ты любишь вышивать крестиком по ночам?

— Нет. Хотя... Научишь? — Ивон произнес это так убедительно, что оба принялись смеяться.

Внезапно Астория стремительно шагнула к юноше, отчего тот невольно отпрянул назад от неожиданности, едва не задев стоящий позади стол.

— Что ты делаешь?

— Сними это, — в голосе девушки промелькнуло упрямство. — твой секрет давно уже не секрет — я знаю кто ты.

— И кто же я?

— Тогда я сама сниму его с тебя. — Астория попыталась стащить капюшон с Ивона, но тот уклонился.

Ивон бегал от Астории между массивными столами, пытаясь сохранять дистанцию, а девушка то и дело старалась ухватить его за мантию.

— Я запретный плод, не забывай! — кричал Ивон, что еще больше раззадоривало девушку и она с новыми силами мчалась за Ивоном.

— Ах ты!...

Внезапно Астория сделала резкий выпад вперед и смогла схватить пальцами краешек мантии Ивона, но тот ловко извернулся.

— Ты выглядишь в своем капюшоне словно подозрительный гриб, — произнесла девушка, изрядно запыхавшись и жадно глотая воздух.

— Я не из тех, кого заботит внешность.

— Конечно, ты же просто красавчик. Красавчиков никогда ничего не заботит.

От услышанного юноша улыбнулся и замер на месте, щеки его покрылись румянцем от сильного смущения. Ивон и правда был очень красив, но он всегда считал иначе.

Воспользовавшись моментом, Астория разбежалась, запрыгнула на Ивона и стащила с него капюшон, он в свою очередь потерял равновесие и оба по-смешному рухнули на пол между столов.

Оказавшись лицом к лицу, молодые люди растерянно глядели друг на друга.

Ивон ощутил своим телом, как часто и сильно бьется сердце Астории. Он понимал, что должен был покинуть это место с момента его появления здесь, что должен прямо сейчас накинуть свой капюшон и отправиться в свой Эна, рассказать обо всем Луи и отцу, но не мог пошевелиться. Эта минутная близость стала сладкой и одновременно горькой ловушкой для него.

Тишину прервали шаги. Незнакомец долго блуждал между книжных шкафов, словно высматривал кого-то или что-то, затем внезапно замер, прислушиваясь к пустоте зала, и так же тихо удалился.

— Астория? — шепотом произнес Ивон.

— Да?

— Ты ведь никому не проговоришься о том, что знаешь? Из-за этого у Джеймса могут быть большущие проблемы.

— Обещаю хранить твою тайну, но, к сожалению, я не могу поручиться за молчание Эдварда.

— Это очень-очень плохо. — Ивон схватился за голову, — теперь мне точно пора. Было приятно поболтать.

Юноша бросился к туалетной комнате, откуда пришёл, но девушка окликнула его прежде, чем он успел скрыться.

— Приходи в Триа через неделю! В полдень здесь никого не будет! Я попробую помочь тебе! — эхом донеслось до него, и в тот же миг фигура юноши бесследно исчезла.

Глава 5

Весь следующую неделю юноша долго размышлял о произошедшем. В глубине души еще теплилась робкая надежда, что всё не так плохо, но трезвый голос разума, который обычно бездействовал, настойчиво твердил: ситуация куда серьезнее, чем хотелось бы.

Мысль о том, что вот-вот явятся люди и арестуют Джеймса и его самого, — не давала ему покоя. Однако, он тут же себя утешил: у отца уж слишком много связей, чтобы это произошло.

И тут Ивон решил, что так и быть, он явится в Триа в назначенное время этого дня, чтобы все окончательно для себя уяснить. Быть может, Эдвард ошибся, приняв его за кого-то: разве мало в приюте синеглазых юношей? Но эта мысль была лишь попыткой самообмана — с таким оттенком глаз он был здесь точно один. К тому же, постараться найти кого-то с похожим цветом глаз еще можно было бы, но с таким количеством рук — невозможно.

Луи без стука зашел в комнату брата и обнаружил того стоящим лицом к окну.

— Что нового, Ивон?

Он подошел вплотную к брату и всмотрелся в окно, как бы пытаясь раскусить того, что же он задумал, но ничего подозрительного так и не обнаружил. Все, что он увидел, это пару задремавших зубоклыков на дереве и небольшую группу людей у фонтана. Хотя последнее все же вызвало некую настороженность.

Луи плюхнулся на кровать и громко покашлял, пытаясь привлечь к себе внимание брата.

— Ивон? — произнес он, но тот даже не повернулся — Ты в порядке? В скором времени мы с Джеймсом собираемся в поход за травами, ты с нами?

— Луи, ты когда-нибудь совершал глупости? Такие, что от этого мог пострадать кто-то близкий и дорогой тебе?

— Никогда. А что?

— Ничего. Зачем ты пришел?

— Ты можешь объяснить что происходит? Ты не выходишь из комнаты и ни с кем не разговариваешь. Отец было уже хотел позвать врача, но потом вспомнил, что он и сам врач.

Но Ивон предпочел не отвечать на вопрос, он снова отвернулся к окну.

Луи встал, и медленно направился к двери, не отводя при этом взгляд с Ивона.

— В общем, если захочешь поговорить об этом, я буду у себя.

В этот момент дверь резко распахнулась и ударила Луи в лоб. Он выглянул в коридор, но шутника и след простыл. Схватившись за голову, Луи застонал, явно переигрывая, но Ивон даже не шелохнулся. В последнее время постояльцы повадились подшучивать над Ивоном, и далеко не всегда эти выходки были добрыми.

Следует заметить, что Ивон давно вел свою тайную войну с постояльцами Эна. На каждую их издевку или попытку его унижить он отвечал своим скрытым ударом. Со стороны могло показаться, что он просто терпит их выходки, но это было не так.

Каждое утро начиналось с новой схватки: постояльцы придумывали, как побольнее задеть Ивона, а он в ответ превращал их жизнь в бесконечную полосу мелких катастроф. Они прекрасно знали, чьих рук эти беды, и на каждый ответ Ивона готовили свой новый ход. Поэтому их война никогда не прекращалась. Бойня прекращалась только тогда, когда в дело вмешивался Джеймс. Заточение Ивона в подвале давало постояльцам временную передышку, а Ивону — время, чтобы продумать свои новые коварные испытания для окружающих.

Не дождавшись сочувствия, Луи сорвал с ноги мохнатый тапочек, швырнул его в брата и пулей вылетел из комнаты.

Через минуту в комнату Луи раздался тихий стук. Дверь едва приоткрылась на несколько сантиметров, и в проеме появился огромный синий глаз Ивона, а затем и он сам, держащий тапочек Луи в руке.

— Ты забыл, — сказал он, немного улыбаясь, но Луи сосредоточенно что-то читал за письменным столом. Из-за рыжих локонов, вечно падающих вниз, было не видно его лица. Следует отметить, что Луи всегда был чем-то занят, в отличие от бездельника Ивона. В его обязанностях была практически вся бумажная волокита, на которую у Джеймса не хватало времени. В данный момент он читал все новые письма из капсульной системы Джеймса. Данный способ обмена информацией имели только самые состоятельные на материке. Система трубок позволяла общаться между собой письмами или мелкими легкими посылками.

— «Уважаемый Джеймс, ранее вы выслали мне ваши чудодейственные травы от болей в спине. Хочу выразить вам свою благодарность, боль в спине прошла, но к удивлению, мои волосы начали ярко светиться.»

Когда Луи закончил читать, он положил письмо в одну из многочисленных стопок, аккуратно разложенных по всему столу, и принялся за следующее, но заметив, что его ждут, он поднял рыжую голову и уставился на Ивона вопрошающим взглядом.

— Что это за стопки? — просил Ивон, протягивая тапочек Луи. Рыжему юноше, впрочем, никак не мешало отсутствие обуви, он быстро натянул мохнатую потерю на босую ногу и принялся перечислять наименования каждой из стопок:

— «Средство от болей», «Средства от забывчивости», «Средство, отпугивающее волколыков», «Плохие побочные эффекты», «Хорошие побочные эффекты», «Средство для похудения», «Гневные письма и письма с угрозами», «От правительства», «Любовные письма»...

Внезапно глаза Ивона округлились, а изо рта сорвался странный звук, будто он на мгновение потерял дар речи. Луи поднял усталый взгляд на Ивона и едва слышно засмеялся, заметив удивление брата:

— Да. У Джеймса очень много поклонниц, — затем подпер голову рукой, его лицо при этом вновь стало серьезным и удрученным, будто улыбка и смех у него тоже были по расписанию, и сейчас веселье было не по графику,

— Светящиеся волосы... это хорошо или плохо... Ты был бы рад, если бы твои волосы светились? —

— Н-не думаю, — немного заикаясь ответил Ивон, он представил, что ко всем прочим его ненормальностям добавились еще и светящиеся волосы и ему стало как-то не по себе от этих мыслей.

— Да, наверное, стоит отправить в нежелательные побочные эффекты... А если бы из твоей памяти исчезли все плохие воспоминания ровно на одну неделю? Хм...

Ивон подошел к окну и уперся лбом в оконное стекло.

— Стой, это тот мерзкий тип. Что он там делает у фонтана... и кто это с ним рядом?

— Что? — Луи подскочил с места, и чуть было не развалил все аккуратно сложенные стопки. Он всмотрелся в людей, которые стояли около ивы и о чем-то говорили.

— Это братья из Тессера. Алистер регулярно приходит к отцу с какими-то отчетами, постоянно требует чего-то, на что Джеймс всегда делает вид, что согласился с ним и подмигивает мне, а когда тот уходит, то посылает его в задницу.

Ивон засмеялся. Молодой человек с вытянутым худощавым лицом обернулся и посмотрел в их сторону, как будто почувствовал, что говорят именно о нем, и оба юноши синхронно спрятались под подоконник.

— Он смотрящий из Тессера, — добавил Луи, — а рядом его младший брат Эдвард. Это опасные ребята — и их опасность куда серьезнее, чем кажется на первый взгляд. — Луи повернулся к брату, но рядом уже никого не было. — Ивон?.. И почему я не удивлен — всего какая-то неделя спокойствия! И стоило ли переживать...

Луи выбежал из комнаты прямо в тапочках и чуть не сбил с ног Кристофера, нового постояльца, который задумчиво осматривал проекцию марсианского лифта в гостиной.

Спешка Луи была не случайной: все, что касалось Ивона, приходилось решать в большой спешке, пока тот не умудрился вляпаться в новые неприятности.

Компания по-прежнему стояла около фонтана под ивой, а Ивона нигде не было. Луи решил незаметно пройти мимо гостей, но его ярко-рыжие волосы привлекли к себе внимание, и все тут же повернули к нему свои головы.

— Луи! — приветствовал его Алистер и помахал рукой, откладывая кипу бумаг на травертин. Эдвард скорчил гримасу и отвернулся — смотрящий из Тессера заметил это и толкнул брата в плечо.

— Собрание? — спросил Луи,

— Мы обсуждаем некоторые изменения в благоустройстве приюта, которые хотели бы внести, это касается и корпуса Тессера. И так как мой отец один из тех, кто спонсирует содержание всех постояльцев, а также научные перспективы Джеймса, то у меня есть соображения на сей счет, — он скрестил руки на груди и поднял высоко подбородок. — Не желаешь их выслушать?

— Очень сожалею, но как-нибудь в другой раз. — Луи уже собирался уходить, но смотрящий из Тессера уже принялся перечислять:

— Меня, к примеру, интересует, почему энавцы так ма-а-ало работают. Ты, вроде как главный, так разберись? — Алистер намеренно растягивал слова.

— В чем дело, Алистер?

— Дело в прекрасном. Точнее, в отсутствии прекрасного во всем, чего дотрагиваются энавцы. Что есть сад для тебя? Наверняка, на этот вопрос ты не сможешь ответить, ведь ты бестолковый энавский простофиля, не понимающий разницу между кактусом и фикусом, и ты считаешь, что все растения — это просто какие-то зеленые штуки. Но сад — это обитель блаженства, ему требуется должный уход. Наша обитель выглядит весьма прискорбно в последнее время, и чтобы это исправить, требуется немного — всего лишь более частый полив. Это рекомендация, подлежащая к обязательному исполнению. — Алистер принялся искать что-то в своих записях. — Новый график поливов уже составлен, и ознакомиться с ним можно в приложении к основной части под пунктом номер двадцать четыре. А сейчас я прочитаю часть с твоими новыми обязанностями...

— У меня сейчас нет времени на весь этот бред сумасшедшего, — перебил его Луи, отчего Алистер вытаращил на него свои глаза:

— Хочу заверить, что дерзость точно не входит в перечень твоих обязанностей.

— Ты не имеешь ни малейшего отношения ни к корпусу Эна, ни ко мне. Можешь начинать прямо сейчас вычеркивать все то, что ты там уже понаписал, — перебил его Луи и скрестил руки на груди.

Алистер сделал жест рукой, потирая в известном жесте, намекающем на деньги, пальцы друг о друга:

— Однако кое-какое отношение я все же имею. — Он вдруг обнаружил, что все вокруг уставились на что-то позади Луи. — Что такое, куда все смотрят?..

— Там то чудовище...

— Гусь!

— Гусь...

Доносилось из толпы.

Из-за кустов показался зверь, которого боялись больше всего. Его красные глаза блестели в поисках жертвы. Казалось, это животное создано самим дьяволом, а ангельские перышки ему нужны только лишь для прикрытия. Он сделал шаг в сторону молодых людей и наклонил голову. От страха кто-то громко охнул и попятился назад.

— Не шевелись... — шепотом произнес Луи и принялся на цыпочках уходить.

Внезапно позади фонтана кто-то чихнул, и гусь молниеносно ринулся вперед, словно маленький пернатый истребитель. Молодые люди бросились врассыпную. Одни при этом забрались на иву, еще больше склонившуюся к земле, другие оказались в фонтане, включая Алистера.

Похоже, что поставленная животным цель, изрядно напугать до трясушки всех вокруг была выполнена, и довольный гусь, гордый своим превосходством, так же внезапно, как и появился, скрылся в кустах.

— Новая поправка: первым и обязательным пунктом станет истребление этого чудовища! — надрывно закричал из фонтана Алистер, хаотично пытаясь собрать в охапку груды бумаг, которая уже намокла и пошла ко дну. — Черт! Черт!!!

Луи тщательно осмотрел территорию приюта в поисках брата, неоднократно проверяя все уголки, но поиски оказались безуспешными. Тяжело вздохнув, он принял решение вернуться в корпус, чтобы успеть выполнить порученную Джеймсом работу.

Глава 6

Ивон тем временем уже успел вернуться в свою комнату. Осторожно, почти трепетно, он уложил скрипку в старую холщовую сумку, затянул шнурок и перекинул её за спину, а затем спешно направился к этажу с потайным проходом.

Он повторил все действия, как в прошлый раз, но потайная дверь не поддавалась. Что-то явно было не так. Однако отступить юноша не собирался, и чтобы встретиться с Асторией он решил отправиться на поиски заветного корпуса под названием «Тессера».

Само это название звучало предупреждающе, почти устрашающе, но когда подобные мелочи останавливали нашего беспечного главного героя? Напротив, эта мрачная таинственность лишь подстегивала его идти вперед.

Юноша не знал кода от ворот, поэтому пришлось лезть через колючую изгородь. Зацепившись, он разодрал накидку и сильно поранил ладонь.

— В крайнем случае, у меня есть несколько запасных, — невесело пошутил он вслух и спрыгнул с забора прямо в терновый куст. Ивон отщипнул с ветки ягод и осмотрелся.

Разумеется, никакой выгребной ямы здесь не было. Увиденное лишь подтвердило: его годами кормили ложью. За стеной раскинулся невероятно прекрасный сад. На идеально подстриженных газонах цвели диковинные деревья и кустарники — всё точно так, как описывал Луи.

Ивону даже показалось, что трава здесь зеленее, а воздух чище. Далеко на горизонте виднелось что-то зеленое и большое, напоминающее еще одну стену.

На миг в голове промелькнула мысль: бросить всё прямо сейчас, отступить и вернуться к отцу и Луи. Но память тут же нарисовала сырой, душный подвал, которого уж наверняка было не избежать в этот раз.

— Нет, дороги назад нет. Отступать слишком поздно, — твердо сказал он самому себе.

Ивон замер. Совсем рядом послышались голоса, и он по привычке хотел накинуть капюшон, чтобы скрыть свои глаза. Но пальцы схватили лишь пустоту. Его любимая накидка теперь висела жалкими лохмотьями. Изрезанная острыми краями стены, она расположилась на его плечах рваными лепестками, больше напоминая обрывки увядшего цветка, чем одежду. Скрывать глаза больше было нечем.

Оставшись без своего привычного убежища, Ивон почувствовал себя по-странному беззащитным. Он затаил дыхание, пытаясь слиться с тенями и пройти мимо незамеченным. Две девочки стояли чуть поодаль, что-то оживленно обсуждали и активно жестикулировали.

Ивон осторожно, шаг за шагом, подобрался поближе. Он хотел подслушать их разговор, но услышав шорох неподалеку четыре удивленных глаза разом уставились на Ивона.

Девочки замерли и переглянувшись. Они улыбаясь смело подошли к гостю. Было очевидно: они сразу поняли, что он из «чужих». Но за этой улыбкой скрывалось вовсе не радушное дружелюбие, как вначале показалось глупому доверчивому юноше. Девочки принялись бесцеремонно трогать его одежду, кожу и волосы, словно он был диковинной вещью, а не живым человеком. В этот момент Ивон окончательно осознал слова Луи: люди здесь действительно были совсем другими.

Необычный внешний вид юноши никого не оставлял равнодушным, поэтому вскоре к нему стянулось еще больше любопытных. Толпа обступила его плотным кольцом: одни продолжали ощупывать лохмотья накидки, другие хватали за руки, преграждая путь. Ивон, конечно, не рассчитывал на подобную популярность, и теперь понимал — ситуация окончательно вышла из-под контроля.

— Какой симпатяжка!

— А руки! Вы только взгляните на его руки!

— Ребята, все сюда! Нам привели настоящий образец для Триа!!!

— А можно посмотреть что у него внутри?

— Я немного заблудился и ищу корпус Тессера... — робко бормотал Ивон, пока толпа еще больше окружала его, — вы не подскажете где корпус Тессера?...

Его слова тонули в восторженных возгласах, как в вязком болоте. Никто не слушал его и словно не слышал, никто не спешил помочь. В глазах обступивших его девочек не было сочувствия — только холодное, жадное любопытство. В этот момент Ивон ощутил, что здесь он превратился в вещь, в забавную находку, в живую игрушку, чьи чувства и просьбы никого не волновали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.